

Последнее слово ЭПОХИ

О книге Станислава Куняева

Александр
МЫЗНИКОВ

Станислав
КУНЯЕВ

ПОЭЗИЯ СУДЬБА
РОССИИ

мне: «Я физически не могу находиться с этим мерзавцем Куняевым в одном зале». И ничего почти не зная тогда о Станиславе Куняеве, автор этих строк проникся к Куняеву некоторым невольным уважением.

«Я понимаю, что полноценного национального будущего у нас без возвращения всего вечно живого, что было создано до революции, быть не может. Но как начать это возвращение, чтобы оно не разрушило реальную историческую жизнь последних десятилетий?! Как примирить красных с белыми? Бунина с Есениным? Шолохова с Солженицыным? Русское с советским? При первом удобном случае... я пытался останавить эту еще сочившуюся кровь...»

Главный пафос книги воспоминаний и размышлений поэта и публициста Станислава Куняева именно в этом. Попытка соединить то, что соединить почти невозможно, равна подвигу. Как любой подвиг, она почти нереальна, в нее почти не веришь, пока не возьмешь в руки и не поймешь, что это уже написано.

В России литература искони претендовала на все. Так повелось с самого начала, с «Повести временных лет», со «Слова о законе и благодати». В России литература подлинная всегда располагалась слишком близко к реальной жизни, иногда сливалась воедино. Наверное, поэтому выбор литературной стези у нас всегда был авантюрой, которая человеку яркому и принципиальному так или иначе никогда не прощалась.

Литературные мемуары по своему жанру, «Поэзия. Судьба. Россия» на самом деле попытка сформулировать для себя и для единомышленников идеологию Родины, потому что ее у Родины нет, и если пойдет так дальше, то и не будет. Куняев пытается ответить на самый большой для России вопрос на протяжении целых двух томов. Что определяло великие жертвы двадцатого века - принуждение или добрая воля? «Если принуждение - то великая цивилизация строится на песке и рано или поздно ее домны и Башни Терпения пошатнутся. Если жертвы добровольны и над ними мерцают венчик священного, ре-

лигиозного в полном смысле слова пламени, тогда они ни за что не канут в небытие и забвение».

Нигде, ни единой фразой автор не пытается затушевать ужасных противоречий советского бытия. Наоборот, он старается представить их с максимальной болью и ясностью. Чтобы выбор стал еще тяжелее и, может быть, человек еще десять раз подумал - отбросить, отмахнуться от только что прочитанного - и сказал: «Нет, своя рубашка мне дороже». Или повторить вслед за великим философом современности Алексеем Лосевым, написавшим после сталинских лагерей: «Я многие годы провел в заточении, гонении, удушении: и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный. Это жертва. Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха... с ее счастьем и ее катастрофами есть жертва, жертва и жертва. Наша философия должна быть философией Родины и жертвы...»

В сущности, Алексей Лосев, смысл и оправдание нашей философской науки второй половины XX века, не выдумал здесь ничего оригинального, а всего лишь повторил на свой лад то, что писали до него о Сергии Булгаков, Иван Ильин, Василий Розанов и многие другие...

Впрочем, у нас умным словам не верят. Как сказал тот же Достоевский: «Что такое философ? Слово «философ» у нас на Руси есть слово бранное и означает «дурак». Что же, не возразишь. За последние годы у нас привыкли больше верить нагло, пошлой, поверхностной публицистике, где легко доказываются самые абсурдные и лживые тезисы. Вам в который раз легко докажут, что сталинские лагеря - это преступление, а убывающее каждый год на один миллион население России - торжество свободы и демократии. Что именно так и идут к «цивилизованному демократическому обществу». Просто идти еще долго. Возражу. Такими мерками - не очень, лет пятнадцать. И тогда мы увидим, нужны ли мертвой России либеральные ценности.

Куняев, впрочем, как и другая рядом стоящая группа русских патриотов, таких как Леонид Бородин и близкие ему писатели, действительно принадлежит к той породе людей, о которых Аллен Даллес писал: «И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способы оболгать и объявить отбросами общества».

Даже очень образованные люди, умные и здравомыслящие, под давлением «общественного мнения» согласно кивают головами, говорят, что «Куняев - это слишком», хотя в остальном всем уже давно ясно, что целенаправленно и жестоко разрушена страна, что в невидимой войне на уничтожение погибли уже миллионы людей - от плохой пищи, от недостатка и астрономической дороговизны лекарств, от болезней в неотопляемых квартирах, от русского отчаянья...

«еще на т...»

3

Смотреть в книгу...

Есть ли еще какая-нибудь цена у этого «слишком»? Есть ли что-нибудь больше? Если этой ценой куплена возможность для горстки сомнительных интеллектуалов говорить то, что раньше они боялись, то наши приобретения чересчур сомнительны.

Мемуары Куняева написаны с точки зрения проигравшего. Действительно, проигрыш патриотов сегодня налицо.

Но в эпоху, когда уже почти не на что опереться, один из идеологов русского возрождения находит опору в самом главном: «Не может быть нашего поражения. Потому что все позволено лишь в том случае, если Бога нет». И для русского уха это звучит громко.

Общественное мнение - страшная сила.

(Но Розанов написал когда-то: «Как мне нравится Победоносцев, который на слова: «Это вызовет дурные толки в обществе» остановился и не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растер и, ничего не сказав, пошел дальше»).

В общественном мнении Куняев «антисемит», «русский фашист», в лучшем случае «националист». Было бы нечестно не сказать об этом.

Фашистом принято называть человека, проповедующего превосходство одной нации (расы) над другой. Может быть, это кому-то и покажется странным, но Куняев при всем громадном желании на основании главной книги его жизни трудно обвинить в чем-либо подобном. Он постоянно с каким-то упорством (что, кстати, вообще было свойственно всем русским патриотам) обращает внимание на коллективные недостатки русских. Вот, например, воспоминание о работе журналистом в Тайшете: «Я не жалел добрых слов о немцах-трактористах, доярках-литовках. О русских с их способностью сегодня совершить трудовой подвиг, а завтра натворить такое, что хоть святых выноси, с их фаталистическим терпением и покорностью всему, что Господь ни пошлет, писать было труднее. Не правда ли, странные речи для «русского фашиста?»

Опять же вспоминается Василий Васильевич Розанов: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. Но почему я ненавижу всякого, кто тоже ругает их? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает».

Вот она - формула русского национализма. Беда в том, что русских-то нам любить запрещено. Нам себя любить запретило мировое сообщество. Русский националист сегодня всего лишь тот - кто запрета не послушался. («Выпустил слюну, растер и пошел дальше»).

№ 2 (41)

15 марта
2002 г.

Куняев Станислав

15.3.02

Мещеряков (прил. к газ. Весть) - Куняев - 2002 - 15 марта - 2003